

Политология. Международные отношения

УДК 32.019.5

В.Ю. Даренский

ИДЕОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ (В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ–ЗАПАД)

В данной статье исследуются объективные предпосылки становления идеологии цивилизационного суверенитета России (идеологии мобилизационного типа) в контексте отношения Россия–Запад. В настоящее время носителем идеологии является не государство (это запрещено Конституцией РФ), а гражданское общество, при этом идеология носит не столько политический, сколько цивилизационный (духовно-культурный) характер, обеспечивая ментальное, культурное и нравственное единство социума. Однако в таком своем качестве идеология по-прежнему выполняет и свою классическую политическую функцию обеспечения политической и идейной мобилизации народа в форме развития его политического самосознания. Современный российский социум может эффективно развивать любые новейшие социальные институты и формы социальной активности, необходимые для развития современной техногенной цивилизации, однако интеллектуальная и нравственная деградация народа, которая происходит уже на протяжении нескольких десятилетий как следствие развития «общества потребления», уничтожает человеческий ресурс России в качественном отношении. Противостоять этому может только модель «мобилизационного общества», которая является наследием традиционной цивилизации. В современных условиях идеология не может представлять собой, как это было в эпоху «классических» идеологий, набор унифицированных для всех тезисов и определений. Современная неклассическая «мобилизационная» идеология российского гражданского общества – это не набор изначально заданных определений, а набор базовых ценностей, которые могут интерпретироваться индивидуально, исходя из разных мировоззренческих позиций. Только в этом случае возможна идейная консолидация социума, в противном случае описанное состояние идейного хаоса будет оставаться непреодолимым.

Ключевые слова: Россия, Запад, суверенитет, неклассическая идеология, гражданское общество, мобилизационное общество.

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-51-62

Введение

Исторический опыт свидетельствует о том, что Россия только тогда могла устоять перед лицом внешней агрессии и становилась великой мировой державой, когда она не гналась за так называемыми «цивилизованными странами», но утверждала свои ценности в мире, сама создавала правила международных отношений. Эта традиция была заложена уже в отношениях Руси с великой Византией и длилась до XX века. Даже Петр Великий, столь активно участвуя у Запада техническим новинкам, не делал свою страну колонией, но, наоборот, сразу явился в Европу со своими правилами и целью на мировое лидерство. И таким лидером Россия уже фактически стала в эпоху Екатерины Великой. То же самое Россия должна сделать и сейчас, иного выбора у нее нет.

В настоящий момент глобальный мир находится в точке перелома: уже созрели все предпосылки для того, чтобы модель цивилизации, созданная Западом и навязанная им остальному миру, стала безальтернативной. Суть этой модели состоит в абсолютном доминировании материальных интересов и тотального эгоизма во всем человеческом бытии. Этому подчинены и экономика, и политика, и остатки культуры. Формируется новый глобальный человек, которого можно условно назвать «био-социальным автоматом» – существом с абсолютно приземленными и легко манипулируемыми потребностями, но наивно воображающим себя «свободным» в силу незнакомства с подлинной духовной свободой. Существом, предсказанным романами-антиутопиями XX века, которое в христианских категориях называют «человеком последних времен», предшествующих приходу Антихриста. Однако до сих пор в мире сильны цивилизации, сохраняющие еще модель человека как образа Божия. Таковы древние цивилизации Индии и мусульманского мира, а среди стран христианской традиции такая сейчас осталась одна – Россия. Уже только одним этим фактом Россия снова поставлена в центр мировой истории, даже независимо от того, насколько она к этому готова и насколько люди, живущие

щие в России, это понимают. *Парадокс ситуации состоит в том, что Россия не устоит, замыкаясь в самой себе и пассивно отдавая конкурентам весь остальной мир, – но устоит и станет ведущей мировой державой, если предложит новый тип миропорядка для всех.* В этом случае она приобретет мощных союзников, которые умножат ее силы.

Теоретические основания

Идеологическое пространство современного социума как в России, так и во всем мире имеет чрезвычайно пеструю и рыхлую структуру. Создается впечатление, что кто-то очень удачно применяет здесь стратегию «разделяй и властвуй» под прикрытием торжества «плюрализма мнений». По сути дела, практически каждый автор, пишущий на социальные, политические, экономические и исторические темы, имеет свою собственную идеологию и постоянно вступает в жестокую полемику даже со своими близкими единомышленниками, а представителей других идеологических направлений обычно вообще игнорирует, про себя считая их «неадекватными». Создается впечатление, что повторяется история Вавилонской башни со смешением языка – когда люди говорят на одном языке, но не понимают друг друга, поскольку придают главным словам разный смысл. Конечно, идеологические направления можно типологизировать, и эти типы вполне соответствуют классическим рубрикам «либералов», «консерваторов», «левых», «правых» и т. д., но эти типологии уже ничем не помогают ввиду описанной ситуации.

Главное негативное последствие такого «плюрализма» – это почти полная невозможность проектной деятельности по преобразованию общества на стратегическую перспективу. Отсутствие государственной идеологии, закрепленной в Конституции, не означает отсутствие идеологии как таковой – государство лишь гарантирует, что ни одна из них не может становиться монопольной и подавлять все остальные. Поэтому такая конституционная норма является приемлемой, по крайней мере при современном состоянии общества. Государственные проекты в настоящее время *de facto* связаны со смутной идеологической доктриной, которая в целом может быть определена как «модернизация», но какие-либо ценностные и историософские основания в ней полностью отсутствуют. Но Россия может развиваться, да и просто выживать в мире только как «мобилизационное общество», поскольку всегда находится под действием двух разрушительных сил (цивилизационной агрессии Запада, который стремится ликвидировать ее как геополитического конкурента; и внутренних разрушительных сил в самом обществе). Последние в настоящее время стали главными: это депопуляция вследствие моральной деградации населения; наплыв мигрантов, которые могут уже через несколько десятилетий сделать Россию мусульманской страной; деструктивные политические силы, которые грозят разрушить государственный порядок и обрушить страну в состояние хаоса и гражданской войны. И если с внешним вызовом Запада российская идеология пока еще неплохо справляется (антизападные концепты и мемы отработаны и неплохо действуют через СМИ), то идеологическая основа противостояния внутренним опасностям практически отсутствует. Точнее сказать, те множественные идеологии, которые сейчас расцвели в условиях плюрализма, сами еще больше раскачивают ситуацию, поскольку заняты в основном борьбой между собой, и тем самым еще больше увеличивают раскол и враждебность в обществе.

В настоящее время многими авторами разрабатывается концепция цивилизационного суверенитета России в виде идеологии Русского мира. Как отмечается, «“Русский мир” как единое сообщество становится международным трендом России» [3]. В свою очередь, «поскольку это идея общая для индивидов – носителей русской культуры, то ее можно считать идеологией. Именно идея, развертывающаяся в идеологии, служит консолидирующей силой социума» [4. С. 208]. Следует отметить, что *в настоящее время носителем идеологии является не государство (это запрещено Конституцией РФ), а гражданское общество; и при этом идеология носит не столько политический, сколько цивилизационный (духовно-культурный) характер, обеспечивая ментальное, культурное и нравственное единство социума.* Однако в таком своем качестве идеология по-прежнему выполняет и свою классическую *политическую функцию* обеспечения политической и идейной мобилизации народа в форме развития его политического самосознания [2]. В данной работе мы продолжаем наши исследования объективных предпосылок становления идеологии цивилизационного суверенитета России (идеологии мобилизационного типа) [5-7] в контексте отношения Россия–Запад.

Метод

Очевидно, что необходимо создание идеологии нового типа, которую можно определить как *мобилизационную* и которая бы четко соответствовала задачам «мобилизационного общества». Это и есть «русская» идеология, но не в чисто национальном, а в политическом и геополитическом смысле, поскольку Россия находится в состоянии «мобилизационного общества» всегда, это ее нормальное состояние в силу указанных объективных причин. И идеология должна исходить именно из этого. Действующая идеология и не должна быть «государственной», поскольку в этом случае она снова будет восприниматься как «официоз» и вызывать отторжение. Она должна работать на уровне СМИ и экспертного сообщества. Эта идеология также не может быть сконструирована «на заказ», но может только находиться в состоянии непрерывной разработки. Нужно определить лишь ее исходные установки.

Привычная классификация политических сил и их идеологий в России по схемам «власть/оппозиция», «правые/левые», «красные/белые» и т. п. в настоящее время не только не соответствует сложившимся реалиям, но и представляет собой деструктивную манипуляционную технологию. Базовое идеологическое разделение населения происходит по вопросу о том, является ли Россия самостоятельной цивилизацией или нет. Существует ли особая «русская субъектность» в мире или же Россия должна бежать за так называемыми цивилизованными странами. Сторонники обеих этих позиций в равной степени есть и среди тех, кто представляет власть или оппозицию, считается правым или левым, белым или красным. Грубо говоря, население делится на тех, для кого Россия, какая бы она ни была («хорошая» или «плохая»), в любом случае является фундаментальной ценностью, и на «прозападных холуев», для которых Россия всегда принципиально плохая и «отсталая». Пропорции здесь определить трудно, даже исходя из данных множества социологических опросов. Исходя из разнообразных социологических данных, вероятнее всего, имеет место соотношение примерно 1:1:1 (в равных частях между этими двумя категориями и третьей частью – колеблющихся и не определившихся).

Таким образом, базовая смысловая ориентация мобилизационной русской идеологии уже существует объективно, ее не нужно придумывать или «конструировать». Однако для ее точного обозначения требуется особая терминология, которую еще нужно создать. Привычные идеологические маркеры носили условно-исторический характер, связанный с определенными историческими эпохами и событиями («левые» и «правые» – по их расположению во французском парламенте; «консерваторы» – как противники «либералов» и «революционеров» и т. д.). Эти термины уже давно устарели и больше вводят в заблуждение, чем что-то обозначают: отсюда появление таких «гибридов», как «консервативная революция», не говоря уже и об откровенном обмане, когда либералы называли себя «союзом правых сил». Понятия «консерваторов» и «охранителей» имели смысл в XIX веке, когда было что «консервировать» и охранять. Но в наше время они выглядят двусмысленно и даже абсурдно, поскольку нынешнюю реальность эти силы вовсе не охраняют, а хотят изменить самым революционным образом. В свою очередь, левые оказываются консерваторами, поскольку ностальгируют по СССР; а белые оказываются очень революционными, поскольку считают, что власть в 1991 году не поменялась и Россия по-прежнему «под игмом».

Соответственно, и синтез трех основных идеологий в том виде, в котором они представлены в настоящее время – как либеральной, левой (социалистической) и правой (традиционалистской), – невозможен в силу исторических обстоятельств, поскольку каждая из этих идеологий включает в себя историю борьбы с двумя другими как свою составную идейную часть. Поэтому в наше время возможен не синтез уже готовых идеологий, а создание принципиально новой идеологии на основе тех исходных базовых ценностей, которые едины для данных идеологий. Расхождение идеологий возникло как результат различной интерпретации одних и тех же ценностей, и этими исходными ценностями были личность и ее свобода. В либеральной идеологии эти ценности были истолкованы через категорию «независимого индивида», который противопоставлял себя обществу и Богу. В левой идеологии – через категорию общества, которое ставило себя выше Бога и индивида; в традиционализме – через категорию бессмертной души, связанной с Богом и как ценность стоявшей намного выше интересов индивида и общества. Поэтому новая идеология должна вынести за скобки все эти исторические интерпретации и основываться на самих ценностях как таковых. На основе этих исходных ценностей люди разных мировоззрений могут находить общий язык. Тем самым единство социума обеспечивается единством исходных ценностей и общностью конечной цели: сохранения и развития России как цивилизации. И существует базовая связь этих двух моментов, ведь Русская цивилизация в настоящее время и является хранителем этих ценностей после того, как Запад от них отказался, создавая цивили-

зацию «биосоциальных автоматов». Россия стала ковчегом христианской цивилизации, и это основа ее идеологии.

Вместе с тем это единство, которое может быть воссоздано путем возвращения к исходным ценностям, должно иметь и свою четкую терминологическую определенность. Тот тип синтетической идеологии, который основан на общности цели и отбрасывает старые идеологические разделения, должен иметь свое особое точное и запоминающееся обозначение. Поскольку речь идет в первую очередь о противостоянии вырождению человека в манипулируемый «биосоциальный автомат», то название такой идеологии должно быть связано в первую очередь с возрождением и преображением человека из деградированного состояния до его нормального состояния как духовного существа и целостной личности. Эта идеология может называться *возродительной*, а ее носители – *возродителями*. Термины «возрожденчество» и «возрожденцы» тоже возможны как вариант, хотя они имеют созвучие с европейской эпохой Возрождения, что может вносить путаницу. Этот вариант может использоваться в качестве удачного мема – противопоставления «возрожденцы/вырожденцы». Кроме того, такая яркая и запоминающаяся терминология в наше время также совершенно естественно вытекает и из ключевого концепта «возрождение России», который сейчас *de facto* является главным мемом патриотического движения. Однако термины «возродители» и «возродительная идеология» не сводятся к политическим и экономическим процессам, но акцентируют главное – возможность человека и общества подняться и возродиться из любого состояния. Тем самым базовым здесь является *антропологический императив* как исток и основа всех остальных. С исторической точки зрения именно этот императив является изначальным и общим для всех вышеназванных традиционных идеологий, но в них он был заслонен позднейшими интерпретациями.

Современный тип экономики и общества, созданный глобальным Западом, характеризуется именно этими двумя качествами: он основан на культе человеческой гордыни, которая неизбежно приводит к вырождению личности. Экономика Запада, которую он навязал почти всему миру, основана на культе сверхпотребления за счет варварского уничтожения ресурсов планеты и поэтому приведет к экологическому коллапсу уже в ближайшие 30–40 лет. *В описанной ситуации выживут только те народы, которые смогут создать (либо сохранить) альтернативный тип цивилизации.* В основе этого типа должен лежать тип человека, обеспечивающего его жизнеспособность – приоритет духовных ценностей над материальными, что обеспечивается только включенностью в определенную религиозную традицию и/или классическую культуру, которая созидает тот же тип духовного человека. Без этого невозможно противостоять порабощению со стороны «золотого миллиарда» на ментальном уровне, поскольку это порабощение основано на соблазне сверхпотребления и «свободы» для греха. Тем самым главным фактором альтернативной является фактор антропологический – особый тип человека. Главным ресурсом этой цивилизации является человеческий ресурс, без которого все остальные ресурсы остаются бесполезными. В частности, второй важнейший фактор – способность развивать высокотехнологичные производства как условие обороноспособности – также в первую очередь зависит от человеческого фактора. Но интеллектуальная и нравственная деградация народа, которая происходит уже на протяжении нескольких десятилетий как следствие развития «общества потребления», уничтожает человеческий ресурс России в качественном отношении. Противостоять этому может только модель «мобилизационного общества», которая является наследием традиционной цивилизации. Кроме того, это потребует и создания альтернативной системы образования, основанной на индивидуальном отборе и специальной подготовке талантливых людей.

Особый закон русской истории сложился в результате специфического положения России среди соседних народов и цивилизаций. Для соседей Россия всегда представлялась «окраиной» их собственного мира, который они считали «цивилизованным» и которому эту русскую «окраину» всегда пытались подчинить в качестве экономической, культурной и политической колонии. Так смотрела на Русь Византия, а затем Западная Европа. Как ни странно, но исключением были татары, которые только требовали дань, назначали главного князя, но никак не вмешивались во внутренние дела. Точнее, вмешивались, но чаще в позитивную сторону – подавляли княжеские усобицы и охраняли права Православной церкви. Но татарский период закончился, и с тех пор и до настоящего времени Россия составляет предмет колонизаторских вождений Запада. Но когда на заре Нового времени Европа не смогла сделать из России свою колонию, ее объявили якобы «отсталой» и «варварской» страной, и в этих русофобских фантазиях Запад показывает свои комплексы неудачного захватчика.

Это положение страны, на которую соседи смотрят как на «окраину» цивилизации, подлежащую подчинению и перевоспитанию, и создало тот главный закон русской истории, без понимания которого нельзя понять и саму Россию. В русском обществе и в русской истории всегда действуют две противоборствующие силы: с одной стороны, достоинство и самоуважение народа, который живет по заветам своих предков, почитает свои святыни и поэтому не хочет никому подчиняться ни в духовном, ни в материальном отношении; с другой же – приспособленчество слабых духом, которые хотят стать «цивилизованными» по чужому образцу и устроить себе комфортную жизнь ценою сдачи интересов и чести Родины иностранцам. В спокойные и «комфортные» периоды истории, когда не требуются подвиги и высота духа, этот последний тип людей захватывает влияние в обществе и во власти, в конце концов сдавая ее своим покровителям за рубежом. Но потом наступает момент, когда Россия стоит на грани распада и гибели. И вот тогда вновь приходят Минины и Пожарские, и они восстанавливают великую страну.

Чтобы победить своих геополитических конкурентов, цели которых не новы и общеизвестны, и даже просто для того, чтобы выжить, Россия должна действовать по тому алгоритму духовно-нравственной и социальной мобилизации, который был отработан нашими великими предками и уже не раз спасал страну. Решающим фактором мобилизации является человеческий ресурс – отбор людей. В свое время А.С. Пушкин вывел свою «формулу» русской истории: «у нас не было феодализма, но была аристократия» [10. С. 126]. Что это значит? А.С. Пушкин был не только гениальный поэт, но и не менее проницательный историк, умевший схватывать сущность сложнейших явлений в одном лаконичном определении. Феодализм – это олигархия знатных родов с наследственными правами, не зависящими от личных качеств их обладателей и от их службы обществу и государству. Даже наоборот, эти права были противопоставлены государству. Аристократия же в пушкинском понимании – это сословие людей, постоянно отбираемых по своим заслугам по службе государству, а следовательно, и народу. Здесь все определялось только личными заслугами, а «древность рода» вовсе не давала никаких привилегий. Феодализм – принцип европейский, а аристократия в том особом смысле, в котором говорит А.С. Пушкин, – это основа великой евразийской державы, впервые апробированная в державе Чингисхана (об этом книга Н. Трубецкого «Наследие Чингисхана»), а затем заимствованная Московской Русью и ставшая основой ее колоссального роста и могущества.

Именно в России само понятие «аристократия» точно соответствовало его изначальному смыслу – «власть лучших», в то время как на Западе оно в Новое время приобрело почти прямо противоположный смысл, обозначая касту привилегированных социальных паразитов. Русское дворянство в XIX веке на 3/4 состояло из потомков выходцев из Орды, Литвы и Западной Европы, потому что Московская Русь была уникальным местом, где каждый мог реализовать свои лучшие качества на службе царю, независимо от своего происхождения. Московская Русь увеличилась в десятки раз и из маленького княжества стала великой державой именно потому, что была уникальным для своего времени «обществом равных возможностей». И не только для дворян – «людей государевых», но и для всех сословий без исключения: огромная Россия была создана в основном не завоеваниями, а колоссальной народной колонизацией новых земель. Государство приходило на новые земли уже потом – после того, как они уже были освоены свободными крестьянами и казаками. Сам огромный феномен казачества, – самостоятельно, без помощи государства освоившего целый континент от Днепра до Амура, – по сути, не имеет аналогов в мировой истории. В отличие от европейцев, истреблявших местное население почти поголовно и так уничтоживших население трех (!) континентов – двух Америк и Австралии, – русские не только этого не делали, но вступали в симбиоз и роднились с другими народами, которые после присоединения к России многократно увеличивались в численности. Русское крестьянство, вопреки лживым мифам, всегда было свободным и легко переселяющимся на новые земли, за исключением сравнительно краткого исторического периода от Петра до середины XIX века, когда в России в рамках «европеизации» было создано «крепостное право» по европейскому образцу. В Европе «крепостное право» существовало намного раньше и намного дольше по времени, и именно там оно могло привить народу «рабскую психологию», а вовсе не в России, как привыкли лгать все профессиональные русофобы. Русский народ – это народ свободно живущих крестьян и казаков; и именно эта жизнь создала русский характер, который потом уже не смогло сломать ни краткое крепостничество, ни еще более краткие колхозы. И этот характер сохранился до сих пор.

И пока еще жив этот народ со столь уникальными качествами и столь уникальным историческим опытом, Россия обладает огромным человеческим ресурсом, который нужно лишь уметь пра-

вильно использовать. Принцип поиска и отбора («рекрутирования») талантливых и нравственных людей во всех сферах деятельности – это единственное, что может возродить народ России и государство Российское. Этот принцип даже может быть прямо назван государственной политикой аристократизма, если вернуть этому термину изначальный, подлинный смысл. Системная политика *народного аристократизма* – поиска и поддержки лучших людей – это единственная возможность использовать человеческий ресурс России, без которого все остальные ее ресурсы, сколь бы ни были они богатыми, останутся просто бесполезными (см. об этом нашу статью [6]).

Политика «народного аристократизма» изначально создала Россию, и она становилась наиболее явной в периоды ее наибольшего роста – «скачка»: при святом Владимире Крестителе, при св. Андрее Боголюбском, при св. Александре Невском, при св. Димитрии Донском, при Иване III Великом, при Иване Грозном, при Петре Великом, при Екатерине Великой и позже, вплоть до рекрутирования народных масс в сталинскую эпоху. Суть современной высокотехнологической цивилизации такова, что теперь не требуется просто масса населения для того, чтобы страна была великой и играла всемирную роль. Сейчас вопрос не в количестве, а в качестве. Стране нужно развивать передовые технологии во всех сферах, прежде всего в военной, восстановить высокий уровень национальной культуры, который бы защищал народ от враждебного идеологического воздействия, и создать эффективную систему управления. В этом случае страна может стать мировым лидером, даже несмотря на то, что у ее конкурентов население на порядок больше. В нашу эпоху масса населения сама по себе уже ничего не решает, все решает только его качество в ключевых сферах деятельности. Это требует специальной системы отбора и подготовки людей, которая в современной России *de facto* существует, но только в стихийной и хаотической форме, а не в форме государственной политики. Огромная масса талантливых людей потеряна и занимается не своим делом, а на их местах оказываются люди случайные, которые подбираются по родственным и коррупционным связям, и в силу своего непрофессионализма и корыстолюбия делают сферы своей работы крайне неэффективными и закрытыми для инноваций. Государственная система поиска, отбора и специальной подготовки талантливых людей – это то вовсе не секретное, но просто игнорируемое «русское оружие», которое и создало, и спасало Россию на протяжении тысячи лет. В наше время эта система должна действовать параллельно той «системе образования», которая есть и которая уже не поддается серьезному реформированию по объективным причинам. Это тоже опыт: ведь все новое в России всегда создавалось сначала параллельно старому, не ломая его, а потом старое уже само быстро отмирало в силу своей неэффективности.

В современных условиях идеология не может представлять собой, как это было в эпоху «классических» идеологий, набор унифицированных для всех тезисов и определений. Именно воспроизводство такого типа идеологий в наше время и порождает тот идейный хаос и состояние «борьбы всех против всех», о котором было сказано в начале статьи. Современная неклассическая идеология – это не набор изначально заданных определений, а набор базовых ценностей, которые могут интерпретироваться индивидуально, исходя из разных мировоззренческих позиций. Только в этом случае возможна идейная консолидация социума, в противном случае описанное состояние идейного хаоса будет оставаться непреодолимым. Фактически такая консолидация происходит постоянно в тех случаях, когда спор идет не о словах и отдельных принципах, а о стратегиях решения проблем. В таких случаях индивидуальное разнообразие мировоззрений оказывается не препятствием, а, наоборот, как раз преимуществом, поскольку создает многомерное видение любой проблемы.

Русская мобилизационная идеология имеет неклассический характер и поэтому открыта для разных мировоззренческих интерпретаций. Она задана инвариантным ядром той модели человека, которая очерчена выше. Ее главный принцип, который может играть роль и ключевого мема в рамках социального дискурса: «Человек не киборг и не животное, а образ Божий с бессмертной душой». В свою очередь, конкретные способы возрождения и культивирования этого типа человека могут быть разнообразны и связаны с разными мировоззренческими традициями. Целью новой русской мобилизационной идеологии является ответ на вызов антитрадиционалистской глобализации на основе экономической и военно-политической экспансии Запада во главе с США. Ответом является альтернативная глобализация на основе защиты традиционных ценностей и принципа экономической взаимопомощи в противовес глобальному диктату «золотого миллиарда».

В современном мире есть огромные силы, противостоящие диктату Запада, но эти силы чаще всего разрознены, и Запад ловко сталкивает их между собой по принципу «разделяй и властвуй». Му-

сультманский мир внутренне расколот на прозападный и антизападный; он же в лице Пакистана противостоит Индии, а Индия враждебна Китаю. А ведь все это не просто страны, это традиционные цивилизации, противостоящие той деградации человека, превращаемого в «биосоциальный автомат» без Бога, души и совести, которую Запад пытается навязать всему миру. Но его политика «управляемого хаоса» заставляет их все свои силы тратить на вражду между собой, а не противостоять общему цивилизационному противнику. В этой решающей ситуации *Россия призвана сыграть уникальную роль объединения мировых антидеградационных сил* – всех традиционных цивилизаций. В настоящее время в международной политике Россия стихийно, но неуклонно движется именно в этом направлении. Уже есть все предпосылки для следующего фундаментального шага: *Россия должна создать мировую доктрину союза традиционных цивилизаций для противостояния «антропологической катастрофе»*. Это новая *русская доктрина*, но не для только «внутреннего употребления», а как проект нового справедливого миропорядка. Для нее не нужно придумывать еще одно название в общем ряду других мировых доктрин: либерализма, фундаментализма, марксизма и т. п. Она должна называться просто – *русская*, и этого будет достаточно. Узнавая, что такое «русская», любой человек в мире, способный к свободному мышлению, сам сможет понять все великие смыслы, которые несет в себе это слово.

Из всех стран мира Россия в XX веке в наибольшей степени подвергалась грабежу и агрессии со стороны Запада. После 1991 года Россия была в очередной раз разграблена и выброшена в болото стран третьего мира, которые вообще не могут развиваться в принципе, поскольку их экономика полностью контролируема Западом, высасывающим из них всю реальную прибыль и ресурсы через глобальную банковскую систему. Совершенно абсурдно сравнивать «благополучие» грабителя (Запад) и ограбленных им людей (весь остальной мир). А когда Россия стала возрождаться и выходить из третьего мира, Запад вновь, естественно, всячески старается этому помешать. Однако это, казалось бы, элементарное знание миросистемного анализа оказывается совершенно недоступным уму русофобов, мнящих себя интеллектуалами. Именно на этом уровне уже крайне необходимы просветительские усилия, без которых люди остаются просто дезориентированными собственным невежеством. В XX веке Запад трижды пытался уничтожить Россию как великую державу и субъект истории, организовав революцию и гражданскую войну в 1917–1920 гг., нашествие почти всей Европы во главе с Гитлером в 1941–1945 гг. и развал СССР с последующим тотальным разграблением его территорий в 1990-х гг. Какая еще страна смогла бы вынести такое и не исчезнуть? И тот факт, что Россия после этого еще продолжает существовать, уже сам по себе является удивительным подвигом нашей страны и историческим чудом. И после этого еще требовать, чтобы Россия в один миг догнала по уровню благополучия Запад, грабящий ресурсы всего остального мира? Такие претензии к ней лишь показывают крайнюю степень тупости и бессовестности тех, кто их высказывает, в первую очередь так называемых либералов. Россия в период правления В.В. Путина, по сути, уже совершила чудо, вырвавшись из того гиблого болота третьего мира, куда ее загнали в 1990-е годы.

Русофобия, как система взглядов, рассчитанная на невежество обрабатываемых ею людей, всегда была и остается грязным инструментом духовной оккупации России западной цивилизацией с целью эксплуатации ее ресурсов и устранения ее как геополитического конкурента. При этом Запад всегда пользуется методом активной поддержки «малого народа» с целью внутреннего ослабления, дезориентации и разрушения «большого народа» и его страны. Как пишет Н.А. Нарочницкая, «современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период “холодной войны”... Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России... Как только Россия начинает “сосредоточиваться” и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии... Сопротивление – это возврат к “тоталитаризму”, а любая защита национального достоинства и истории – это “русский фашизм”» [9. С. 69]. Эта обычная стратегия Запада на современном околонучном жаргоне именуется войной дискурсов, в нравственных человеческих понятиях – лицемерной ложью, а на языке геополитики – борьбой с очагами возрождения обманутой и ограбленной им страны.

Выступая в Таврическом университете 9 ноября 1920 года, перед самым падением Белого Крыма, В.И. Вернадский подвел итог той исторической миссии интеллигенции, которая стала первопричиной русской катастрофы 1917 года: «Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны – интеллигенция – не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государствен-

ности. Не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности» [1. С. 568]. Эту ситуацию хорошо описал В.В. Розанов в «Опавших листьях», вспоминая годы своей молодости (1880–1890-е): «Я понял, что в России “быть в оппозиции” – значит любить и уважать Государя, что “быть бунтовщиком” в России – значит пойти и отстоять обедню и, наконец, “поступить как Стенька Разин” – это дать в морду Михайловскому... Я понял, где корыто и где свиньи и где – терновый венец, и гвозди, и мука. Потом эта идиотическая цензура, как кислотой выедающая “Православие, самодержавие и народность” из книг; непропуск моей статьи “О монархии”, в параллель с покровительством социал-демократическим “Делу”, “Русскому богатству” etc. Я вдруг опомнился и понял, что идет... левая “опричнина”, завладевшая всею Россией» [11. С. 290]. Выражение В.В. Розанова «левая опричнина» уже само по себе гениально и раскрывает ту особую структуру российского общества, в которой извечно борются православная Россия и антихристианские силы, именующие себя прогрессивными.

Российский социум имеет своеобразный *бисистемный* характер: он не только интегрирован как целостность, но и постоянно находится под воздействием извне, пытающимся лишить его самостоятельности. И часть российского социума во все времена стремится не к внутренней системной интеграции со своим народом, а лишь к внешней интеграции в систему Западного мира. Эта бисистемность впервые проявилась еще во времена св. Александра Невского, подвиг которого состоял не только в победах над внешними агрессорами, но и в ликвидации внутренней оппозиции прозападного боярства, стремившихся интегрировать новгородские земли в европейское сообщество в статусе полукOLONиальной периферии (этот статус их вполне устраивал как иносистемную группу в русском социуме). Эта коллизия, впервые правильно разрешенная св. Александром, стала затем, к сожалению, «парадигмальной» для всей дальнейшей российской истории. В полной мере она разыгрывается и в настоящее время.

Естественно, в любом государстве политика «вовне» и политика «вовнутрь» не являются в полной мере интегрированными в единое целое, везде между ними существуют противоречия и конфликты, при которых приходится жертвовать интересами одной ради другой и наоборот. Однако в Европе это не приводило к тому, что государство фактически начинало функционировать в двух разных системах, живущих по совершенно различным законам и требованиям. Но в России, обращенной «вовне», государственность всегда была системой, с предельным напряжением сил борющейся за самосохранение под перманентной угрозой внешней агрессии. Поэтому, обращенная «вовнутрь», она была вынуждена действовать уже не как простая самоорганизация общества для обеспечения его внутренних выгод, но как особая система с чрезвычайными полномочиями. Общество понимало, что иначе невозможно выжить, и поэтому соглашалось с этими полномочиями ради своего же самосохранения. Это российский вариант «общественного договора»: пока государство способно защитить от внешнего врага, ему предоставляются любые полномочия, поскольку это все равно легче, чем иноземное порабощение. Ведь в Западной Европе внешнее вторжение никогда не означало колонизации и даже геноцида, как это всегда было в России, поэтому таких полномочий государство здесь никогда не имело. Они здесь были просто не нужны, поскольку переход в другое подданство никогда не грозил особыми бедствиями. Самые кровавые войны здесь велись не между государствами как таковыми, а между религиозными конфессиями и этническими кланами.

Хотя в России, вопреки распространенным предрассудкам, общество было более автономно относительно государства, чем в Западной Европе (особенно на уровне крестьянского «мира», жившего фактически в догосударственном состоянии вплоть до коллективизации 1929 г.), однако тем не менее здесь противопоставление государству некоего «гражданского общества» всегда было не только абсурдно, но и аморально. Здесь государство всегда само брало на себя функции «гражданского общества», по крайней мере пыталось это делать. В этом можно усматривать и реализацию евангельской заповеди: «Царство, разделившееся в себе, не устоит» (Матф. 12:25), что свидетельствует о глубокой христианизации политического сознания народа.

Поскольку для Запада Россия всегда представлялась и представляется исключительно в качестве потенциальной экономической и политической колонии, подлежащей полному контролю и эксплуатации (и это отношение в эпоху глобализации будет только усиливаться, особенно по мере сокращения мировых ресурсов, половина из которых находится ныне на территории России), то именно исторически сформировавшийся мобилизационный характер российского социума является важнейшим ресурсом его выживания и сопротивляемости давлению извне.

Но иногда такое разделение все-таки происходило и приводило к бедствиям и историческим катастрофам. Функцию «гражданского общества» всегда брала на себя часть «элиты», оппозиционная единоначальной власти. Поэтому «предательство элиты» (старых и новых «бояр»), впервые предотвращенное св. Александром Невским, позже – Иваном Грозным, затем стало основной «моделью» краха российской государственности: впервые в Смуту начала XVII века. Заговор олигархов и генералов против Николая II в феврале 1917 года и «приватизация» республик бывшего СССР высшей номенклатурой КПСС – это два самых ярких исторических проявления модели.

Нормальный режим функционирования российской государственности, связанный с его неустрашимым бисистемным характером, состоит в фактическом единовластии, опирающемся на деполитизацию населения и массовую моральную (но не обязательно идеологическую) поддержку власти. Утрата же единовластия всегда неизбежно приводит к «приватизации» и разграблению страны «элитой», всегда интегрированной во внешнюю систему (Запад). Это делает неизбежным усиление этой «элиты» в ее борьбе против единовластия – со всеми неизбежно вытекающими отсюда последствиями. Соответственно, любые попытки выстроить в России иной тип государственности по заимствованным откуда-то образцам, игнорирующий ее неустрашимую бисистемную природу, как в прошлом, так и в будущем приводил и будет приводить только к разрушительным смутам и фактической иностранной колонизации, какими бы «красивыми» идеологическими обоснованиями эти попытки ни прикрывались («демократия», «гражданская свобода» и т. п.).

Сущностно мобилизационный характер власти в России всегда делает российскую власть «монархичной» независимо от ее частной формально-юридической формы. Любые «противовесы» единому центру власти в России всегда с математической неизбежностью приводят к социальным катаклизмам и разрушению государства. Это объясняется *сущностно бисистемным характером общества*. Этой имманентной «монархичности» российской власти, в свою очередь, соответствует народная культура предельного доверия к власти, которая всегда оказывалась полностью оправданной и эффективной, поскольку привела русский народ к колоссальным успехам в строительстве государства, защите от внешних и внутренних врагов и способствовала созданию великой культуры. Катастрофы начались в XX веке именно потому, что сначала сам народ не проявил достаточной культуры доверия власти, поверив «революционерам», а в результате этого и получил совсем иную власть, со всеми признаками подлинного деспотизма, возвращенного «передовыми» европейскими идеологиями: сначала марксистской (после 1917-го), а затем либеральной (после 1991-го). И только лишь когда в народе возрождалась культура доверия власти, тогда власть получала пространство для развития, сама перерождалась и становилась снова если и не «народной», то по крайней мере стимулирующей развитие народа и страны.

Западный социум отличает юридически четко регламентированная деятельность без крайностей русской «вольности» и русской мобилизации. Западный стиль власти построен по модели рынка: здесь власть – посредник в борьбе интересов, а политика – рынок оплаченных услуг. Для этого типа русский тип власти кажется деспотичным, так как к власти применяется не русский принцип доверия, а рыночный принцип найма и контроля. В нормальном состоянии для русских характерно органическое сочетание «отеческой» власти с естественной вольностью жизни, не стесняемой никакими чужеродными влияниями и тем более никак не стесняемой государством. Но когда нормальный порядок жизни разрушен, искусственно создан «хаотический анархизм», тогда народ естественным образом ищет сильной, авторитарной власти просто с целью самосохранения. Это состояние совершенно противоестественно, и поэтому ошибочно приписывать его национальным чертам какого-либо народа, в частности русского.

Если же обратиться к реальной истории, а не к современным идеологическим клише, то тезис о «русском деспотизме» в сопоставлении с историей Западной Европы оказывается совершенно мифологическим. В первую очередь потому, что основная масса русского народа и других народов империи вплоть до революций XX века имела самый минимальный и опосредованный контакт с государством, поэтому степень его так называемого деспотизма для нее была вообще безразлична. Реально абсолютное большинство русского народа жило не в государстве, а в «миру» – общине, имевшей контакт с государством не напрямую, а через старосту и помещика. Отношения в общине строились на принципах морального авторитета ее членов, максимальной открытости и справедливости, и именно это сформировало тот максимально свободный, честный и искренний тип личности, которому так дивились иностранцы и который стал жизненным базисом великой русской литературы.

Но главная основа самого бытия России в истории – способность к нравственному подвигу и, если нужно, самопожертвованию – оказывается одновременно и самой мощной побудительной силой к великим деяниям (отсюда мощь государства и самого народного «организма»), и самым хрупким и уязвимым для внешних воздействий основанием, поскольку предполагает постоянное воспроизведение этой способности к нравственному усилию, ничем не поддерживаемой, кроме христианской совести и примера великих предков. И стоит кому-либо соблазнить русских идеей погони за одним лишь земным благополучием и комфортом, подменить подвиг и нравственное усилие компромиссами эгоистических интересов и т. д., как вся эта внешняя мощь окажется бесполезной и бессильной и Россия начинает разрушаться нравственно и физически.

Таковы две идеи, которые почти не нужно специально конструировать и «внедрять в сознание масс». Они и так достаточно широко известны и понятны, нужно лишь, чтобы Государство Российское не стеснялось их озвучивать официально перед своими извечными заклятыми «партнерами». Этими двумя идеями Россия может изменить глобальный дискурс. Именно изменение глобального ценностного дискурса с лицемерных американских мифов о «свободе и демократии» (под прицелом НАТО) на отстаивание фундаментальных духовных ценностей может стать самым мощным превентивным ударом по любым проектам цветных революций как в самой России, так и за ее пределами. Но для этого нужна политическая воля, а для политической воли нужны люди – кадры.

Понимание того, что проблема возрождения России и ее устойчивости перед любыми попытками переворотов – это в конечном итоге проблема кадров, весьма широко распространено и не является открытием. Прочитируем известного автора: «Запад страшился нас и приложил все силы для пресечения роста Русской цивилизации. Он и до сих пор понимает, что мы – это не Бразилия и не Сомали, и нас не сломить до конца рецептами Международного валютного фонда. Среди нас пока еще живут миллионы... воинов и конструкторов, ученых и инженеров. Поэтому самое главное сегодня – сохраниться как народ. Стянув в новые общности людей с честью и совестью, умом и мужеством. Так спаслась Восточно-Римская империя, собрав в христианские общины лучших людей, избежав страшного крушения Западного Рима в пятом веке от Рождества Христова. И, чтобы сделать подобное, надо отмыть от грязи образы империи и новой цивилизации, показав русским то, чего мы лишились» [8. С. 504-505]. Публичная мобилизационная идеология, внедряемая через СМИ и систему образования, должна быть максимально простой, четкой и доходчивой. Двух вышеупомянутых идей вполне достаточно для того, чтобы при правильной их подаче жестко дискредитировать и вывести за рамки публичного дискурса идеологию «либерализма», под которой в действительности скрывается криптосатанизм, светская религия субпассионариев, нравственных и интеллектуальных дегенератов, прямо или опосредованно находящихся на содержании у Запада. Мобилизационный тип общества следует максимально закреплять в имеющихся социальных институтах (религиозное просвещение, армия, спорт) и главных сферах экономики (госсектор и индивидуальное рискованное предпринимательство при максимальном подавлении паразитарного корпоративного сектора).

Результаты. Кроме двух этих базовых идей, который поддержит патриот с любыми убеждениями – хоть белый, хоть красный, и православный, и мусульманин, и атеист, – в остальном идеологическое разнообразие может быть любым. Оно не представляет никакой угрозы для государства. Как справедливо отметил протоиерей Всеволод Чаплин, «в России все время возникает напряжение между реальной жизнью и западными идеями, принятыми властью за основу... Так было при многих монархах XVIII–XIX веков, так было при “марксистах”, так есть и сейчас... Не зря вздыхает демократический догматист, как раньше вздыхали догматисты коммунистические: все их клише и модели разрушаются о российский образ жизни, о наш народный характер»; нынешним западникам снова «хотелось бы изменить народ, подстроить его под свои идеалы. Но на самом деле выйдет иначе. Россия перемелет идеологию и строй западной демократии, как перемолола марксистский коммунизм, наполнив его совершенно иным содержанием», «за фасадом формально прогрессивного, прозападного политического режима у нас всегда будет идти собственная жизнь» [12. С. 183-184].

Выводы

Современный российский социум может эффективно развивать любые новейшие социальные институты и формы социальной активности, необходимые для развития современной техногенной цивилизации, без освоения которой Россия не выживет в современном мире. Однако само по себе это освоение также не означает выживание России в качестве именно России. Если будет утрачен цен-

нейший тип человека, в течение многих веков формировавшийся суровой русской историей и православием, то само существование России утратит всякий смысл. Она в таком случае может стать пусть и «развитой», но всего лишь одной из множества безликих американизированных стран «общества потребления». Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия как раз остается мировым лидером и является намного более развитой страной, чем страны Запада и быстро вестернизирующиеся страны Востока. Хотя в России также распространился западный, а теперь уже и общемировой тип обезличенного человека техногенной цивилизации – эго-центрического индивида с примитивными стандартизированными потребностями и столь же примитивным инфантильным мировоззрением; но смысловое ядро российского социума еще продолжает формировать и традиционный тип русского человека, *homo russicus*, провиденциально «законсервированный» в советскую эпоху и ныне способный внутренне противостоять экспансии Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский В.И. Русская интеллигенция и новая Россия // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. С. 567–572.
2. Вольтер О.В. Русская национальная идеология как духовно-политический фактор развития Российского государства в XX – начале XXI в. Армавир: Изд-во АГПУ, 2009. 190 с.
3. Горлова И.И., Гриценко В.П. Российская цивилизация и «Русский мир» // Журнал Института наследия. 2018/2(13): URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/206.html>
4. Гриценко В.П., Опошнянский А.В. Русский мир как цивилизационный проект // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 205–209.
5. Даренский В.Ю. Константы русского социального идеала и их исторические основания // История и современность. 2015. № 1. С. 63–80.
6. Даренский В.Ю. «Народный аристократизм» как феномен русской мобилизации // Свободная мысль. 2018. № 3. С. 127–138.
7. Даренский В.Ю. Цивилизационная специфика российской государственности // Вестник МНЭПУ. 2019. Т. 1. № 5. С. 176–178.
8. Калашников М. Сломанный меч Империи. М.: Форум, 2001. 559 с.
9. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. 80 с.
10. Пушкин А.С. <О втором томе “Истории русского народа” Полевого> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 125–127.
11. Розанов В.В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
12. Чаплин В., прот. Лоскутки. М.: Дарь, 2007. 192 с.

Поступила в редакцию 21.09.2019

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Луганский национальный университет им. Т. Шевченко
ЛНР, г. Луганск, ул. Оборонная, 1
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

V. Yu. Darenskiy

**IDEOLOGY OF CIVILIZATIONAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA
(IN THE CONTEXT OF RUSSIA–WEST RELATIONS)**

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-51-62

This article examines the objective prerequisites for the formation of the ideology of civilizational sovereignty of Russia (ideology of mobilization type) in the context of Russia – West relations. Currently, the carrier of ideology is not the state (it is prohibited by the Constitution of the Russian Federation), but civil society – and the ideology is not so much political as civilizational (spiritual and cultural), providing mental, cultural and moral unity of society. However, in this capacity, ideology still performs its classical political function of ensuring the political and ideological mobilization of people in the form of their political consciousness development. Modern Russian society can effectively develop any new social institutions and forms of social activity necessary for the development of modern man-made civilization, but

the intellectual and moral degradation of people, which has been going on for several decades as a consequence of the development of “consumer society”, destroys the human resource of Russia in qualitative terms. Only the model of “mobilization society”, which is a legacy of traditional civilization, can resist this. In modern conditions, ideology cannot be, as it was in the era of classical ideologies, a set of unified theses and definitions. The modern non-classical “mobilization ideology” of the Russian civil society is not a set of initially defined concepts, but a set of basic values that can be interpreted individually, based on different worldview positions. Only in this case the ideological consolidation of society is possible, otherwise the described state of ideological chaos will remain insurmountable.

Keywords: Russia, West, sovereignty, non-classical ideology, civil society, mobilization society.

Received 21.09.2019

Darenskiy V.Yu., Doctor of Philosophy, Professor at Department of philosophy and sociology
Luhansk National University named after T. Shevchenko
Oboronnaya st., 1, Lugansk, LPR
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru